

РОКОВЫЕ ГОДЫ

(ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ)

10. - 17 ОКТЯБРЯ И ЛИЧНОСТЬ ВИТТЕ. — ВИТТЕ И ЦАРЬ. — ВИТТЕ И КОНЬЮНКТУРА. — ВИТТЕ И РУССКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. — ВИТТЕ И ДЕЛЕГАЦІЯ СЪЗДОВ. — МОЙ РАЗГОВОР С ВИТТЕ. — УСТУПКИ НОЯБРЬСКАГО СЪЗДА К.-Д.

Говоря о манифестѣ 17 октября и о его послѣдствіяхъ, нельзя, даже в личных воспоминаніяхъ, обойти большой фигуры Витте. У меня с ним было всего двѣ встрѣчи: одна, о которой я расскажу сейчас, и другая, очень короткая и случайная, но многозначительная, много лѣтъ спустя послѣ первой. Мы встрѣтились на каком - то общественном собраніи, вечером. В толпѣ, уходя, он меня замѣтил и сам подошел, поздоровался, напомнил о нашей первой встрѣчѣ и сказал всего нѣсколько слов, но которыя запомнились. «Жаль, что тогда я мало знал вас; быть может, событія пошли бы иначе». Это было бы очень лестно, если бы я не знал эгоцентризма Витте. Он всю жизнь прожил мечтой вернуться к власти и к тому историческому моменту, когда его взяли «на затычку» и выбросили «хуже прислуги»: вернуться, чтобы додѣлать то, что ему помѣшали сдѣлать, как думал он сам, или чего он не сумѣл сдѣлать, как думали другіе. Ему наклонѣ лѣтъ прожитое должно было представляться в видѣ варианта пословицы: *si jeunesse savait, si vieillesse pouvait...*

Мнѣ кажется, я ясно понимал Витте, слѣдя за его эпопеей. Это был рѣдкій русскій самородок со всѣми достоинствами типа и с большими недостатками. Он был головой выше всей той верхушки, среди которой ему приходилось пробивать себѣ путь, чтобы дѣйствовать. А дѣйствовать — это было главное призваніе его натуры. В качествѣ самородка, он был своего рода энциклопедистом и мог братья за все, учась на дѣлѣ и презирая книжное знаніе. Обладая громадным здравым смыслом и способностью сразу отдѣлать главное от второстепеннаго, он прямо шел к цѣли, как она

ему представлялась, отбрасывая с дороги все ненужное: людей, знания, чужіе совѣты, закулисные интриги, коварство друзей, завистников и противников. Но он умѣл брать с собой то, что попадалось по дорогѣ. Умѣніе распознавать людей, отбирать нужных, организовать чужой труд, заставлять работать для себя, для с в о е й дѣлы у него было большое, и это было необходимо, потому что и брался он за дѣла большого масштаба. По мѣрѣ удачи росла его самоувѣренность, поднимался командный тон и сопротивляемость всему постороннему. При неудачѣ он никогда не винил в ней себя, но спокойствіе его оставляло. Он становился страстен и несправедлив, чернил людей, ненавидѣл противников. Натолкнувшись на непреодолимое препятствіе, сразу падал духом, терял почву под ногами, бросался на окольные пути, готов был на недостойные поступки, но не во вред дѣлу: все или ничего — становилось его лозунгом изобрѣтателя, и, обиженный, он отходил в сторону, тщательно накапливая обвинительный матеріал для потомства, именно обвинительный, потому что в самооправданіи Витте не чувствовал надобности.

В придворной средѣ, гдѣ ему приходилось не столько дѣйствовать, сколько искать точек опоры для дѣйствія, — на Витте смотрѣли, и он сам смотрѣл на себя, как на чужака, пришельца из другой среды и при том человѣка подозрительнаго и опаснаго. С своей стороны Витте всегда смотрѣл на эту среду с плохо скрытым презрѣніем, на что она отвѣчала ему скрытой враждой и вынужденной вѣжливостью в недолгіе промежутки его фавора. При Александрѣ III этот фавор был болѣе обезпечен. Грубоватый тон и топорная рѣчь Витте подходила к психикѣ императора и как-то ему нравилась; упрощенныя об'ясненія Витте были ему доступны, а смѣлость и оригинальность финансово - экономической политики, сопровождаемой успѣхом, импонировала. С Николаем II — и особенно с его женой — дѣло пошло иначе. Твердая воля и ясная мысль Витте здѣсь сталкивались с безволіем царя и злой волей спутницы его жизни. Самая опредѣленность мнѣній и напряженность воли къ немедленному дѣйствію не импонировали, а только стѣсняли вѣчно неготовую волю и мысль императора. Скрытый механизм Николаевской психики, безразличная маска лица и глаз, а за ней растущее нетерпѣніе и упорство, противопологаемая давленію собесѣдника, и, наконец, внезапныя рѣшенія, подсказанныя из противорѣчія случайными «тайными» совѣтниками со сло-

роны и в корни разрушавшія гениальныя постройки творца: такова была обычная реакція царя, потревоженнаго в состояні неподвижности. В своих обвинительных актах для потомства Витте тщательно и документально вскрывал тайные ходы, которыми приводились в дѣйствіе царскія рѣшенія; не прочь был и сам к ним прибѣгнуть. А в своих «Воспоминаніях» он, не достигнув цѣли и отбросив всякую осторожность, уже не стѣсняясь, честил отборной бранью главнаго виновника своей неудачи.

Но в сентябрѣ - октябрѣ 1905 г. он в третій раз очутился, при совершенно исключительных обстоятельствах, перед той же обычной исторіей. Его опять звали, потому что не могли не позвать: Россія была в состояніи революціи, Витте только что закончил миром «ребяческую» и «преступную» войну с «макаками», которую, несмотря на все мое противодѣйствіе, не мог предупредить, — из-за той же царской психологіи. Его предлагали в укротители революціи; его «лѣвая» репутація дѣлала его в глазах «камарильи» экспертом по части революціонных замыслов, а недоброжелатели уже заподозрили его в намѣреніи спихнуть царя и самому сдѣлаться президентом русск. республики. Он был монополистом положенія и мог ставить свои условія. Опыт бесплодной работы по манифесту 12 декабря 1904 г. и столь же безцеремонно прерванной свыше, гораздо болѣе сложной и плодотворной работы в комитетах по изслѣдованію нужд сельско - хозяйственной промышленности научили Витте быть осторожным. Он рѣшил итти ва-банк: все или ничего. Ничего — это была диктатура, невозможное по времени рѣшеніе, ибо не оказалось кандидата в диктаторы. В. к. Николай Николаевич, как извѣстно, с револьвером в руках вынудил у царя подписаніе манифеста 17 октября. «Все» — это и была «конституція»: термин в обычное время неприемлемый, но которым Витте в эти дни открыто козырял перед царем. Он однако же знал Николая и, на всякій случай, помимо шансов побѣды, на которую шел без промаха, готовил себѣ и путь отступленія. Он сдѣлает всеподданнѣйшій доклад и, с одобреніем царя, его напечатает: там будет поручено министру - премьеру, освобожденному от соперничества коллег, через «объединенный» кабинет осуществить царскія обѣщанія. Если потом Николай раздумает — и обѣщаній, как всегда, не исполнит, — то можно будет, как прежде, вину свалить с царя на его слугу. Вопреки ожиданіям Витте, этот хитроумный план наткнулся на обычную психологію царскаго противорѣчія. При

этом оказалось, что царь хочет дать больше. Снимая с царя отвѣтственность, Витте снимал вмѣстѣ с тѣм и заслугу, выставляя себя впереди императора. Пусть уже заслуга перейдетъ прямо к царю: он немедленно превратитъ «обѣщанія» доклада в «факты», сразу давъ народу общающее и замѣнивъ «докладъ» временщика собственнымъ царскимъ «манифестомъ».

Я думаю, что знаю, откуда шелъ совѣтъ, потому что впоследствии онъ былъ данъ и мнѣ. Его далъ Д. Ф. Треповъ. Цѣлыхъ пять дней длилась эта курьезная борьба между осторожностью министра и неосторожностью государя. Наконецъ царская воля побѣдила, но тутъ Витте хотѣли обойти, выкинувъ изъ манифеста главное обѣщаніе: указаніе на «законодательную» власть Думы. Это и была «конституція». Тутъ уже Витте окончательно уперся, — хотя не ему принадлежало это формальное обѣщаніе его проекта. Не онъ самъ, а легко воспламеняющійся А. Д. Оболенскій выставилъ это всеобщее требованіе: онъ лучше Витте зналъ настроеніе момента. Итакъ — или ничего или все: или «диктаторъ» или «премьеръ кабинета», т. е. в сущности тоже диктаторъ. Такъ представлялъ себя, видимо, Витте собственную роль, добиваясь освобожденія отъ слишкомъ хорошо извѣстныхъ ему препонъ сверху. О препонахъ снизу, остававшихся неизвѣстными, онъ, какъ мнѣ кажется, в это время совсѣмъ не думалъ. «Конституція» оставалась завуалированной в «докладѣ» фразой о «выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества». Конечно, при осуществленіи ея Витте заранѣе рассчитывалъ на содѣйствіе общественныхъ носителей этой «идеи». Но обращеніе къ нимъ — и ихъ предполагаемая готовность помочь — были для него не новостью. Вѣдь и в упомянутыхъ выше случаяхъ онъ тоже обращался къ общественнымъ дѣятелямъ. Безполезна оказалась ихъ помощь при осуществленіи преобразованій, намѣченныхъ манифестомъ 12 декабря, а работа сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, послужившая матеріаломъ для одного изъ серьезныхъ изданій земскихъ конституціоналистовъ, оказалась даже для него опасной, ибо получила политическое значеніе. Но теперь случай былъ дѣйствительно исключительный: привлеченіе общественныхъ дѣятелей въ объединенный кабинетъ Витте было поставлено условіемъ и принято высочайшей властью. Сотрудничество съ «общественностью» казалось обезпеченнымъ, а плоды сотрудничества гарантировались единствомъ кабинета, — разумѣется, в предѣлахъ «доклада» Витте, в указанномъ тамъ порядкѣ и в опредѣленныхъ царскимъ манифестомъ размѣ-

рах. «Программы» тут не было, ее должна была замѣнить воля премьера. И тут Витте натолкнулся на ряд неожиданностей, показавших, что он, в сущности, не знал, что происходило в Россіи. Обычно мѣткій прицѣл дилетанта в новой для него области — политики — на сей раз попал мимо цѣли.

Витте считал нужным в «Воспоминаніях» подробно рассказать, как он собирал справки о политических настроеніях и требованіях перед 17 октября. Его первыми совѣтниками оказались военный профессор Кузьмин - Караваев, мелкій самолюбец, ознаменовавший себя в политикѣ интригами в Тверском земствѣ, повременский журналист из типа Гудушек, но одаренный большим нюхом, М. О. Меньшиков и вліятельный у прежняго царя, издатель субсидированнаго «Гражданина» реакціонер - педераст кн. Мещерскій, с которым Витте поддерживал дружескія отношенія. Всѣ трое сошлись на одном: Россія требует конституціи. Вѣрный «приказчик» самодержавнаго монарха и новопеченный конституціоналист, Витте пошел к указанной ему цѣли весьма обходным путем. Он пригласил в свой кабинет Д. Н. Шипова, про котораго не мог не знать, что он с ноябрьскаго с'ѣзда 1904 г. об'явил себя противником конституціи, и А. И. Гучкова, который только что рѣзко разошелся с большинством Земско - городского с'ѣзда. Но он наткнулся на честнаго человѣка, который напомнил ему, что не представляет большинства с'ѣздов, готовит с Гучковым партію меньшинства и войдет лишь в такое министерство, которое будет дѣйствительно представлять все общественное мнѣніе и получит болѣе отвѣтственный пост, чѣм предложенный ему пост государственнаго контролера: довѣріе общества въѣдъ должно быть завоевано не финансовой отчетностью, а политической реформой. Гучков, вступавшій на путь политическаго авантюризма, присоединился к возраженіям Шипова по менѣе идеологическим соображеніям: от сдѣлки запахло скандалом назначенія П. Н. Дурново на роль полицейскаго коллегия в кабинетѣ. Шипов дал Витте настоящій адрес, по которому слѣдовало обратиться: бюро Земско - городских с'ѣздов, и уже намѣтил ему кандидатов на отвѣтственные посты: С. А. Муромцева в министры юстиціи; И. И. Петрункевича и кн. Г. Е. Львова в министры внутренних дѣл и земледѣлія. О первом и третьем — старом другѣ Шипова — справки были хорошія, и Витте послал телеграфный вызов в Москву, гдѣ как раз должно было в эти дни обратиться бюро с'ѣздов. Тут начиналась область его невѣднія.

В Москвѣ, получив телеграмму Витте, заспѣшили — с определенной цѣлью — послать таких делегатов, которые не запутали бы новую политическую партію в неосторожно раскинутыя сѣти. Въмѣсто отсутствовавшего Петрункевича попал князь Львов — представительный делегат без рѣчей и себѣ на умѣ; при нем складно говорящій идеолог партіи Кокошкин и молчаливый, но непреклонный Ф. А. Головин, будущій предсѣдатель второй Думы. Декоративнаго Муромцева обошли намѣренно, боясь не напрасно его податливости. Делегация явилась к Витте и в предварительном и освѣдомительном порядкѣ — на иное она не была уполномочена — твердо отчеканила общепринятые тогда условія: учредительное собраніе по четыреххвосткѣ с цѣлью выработки основнаго закона. Такого постановленія партіи не было, так как и положеніе послѣ 17 октября создалось новое, и реагировать на него партія еще не успѣла. Но это было в духѣ партіи — начиная с конституціонной статьи в первом номерѣ «Освобожденія», с поправкой в № 13 на всеобщее избирательное право. Ничего другаго партія, как таковая, сказать и не могла в ту минуту, — тѣм болѣе, что ея представители говорили с властью перед лицом всей волнующейся Россіи и заранѣе поставили условіе, чтобы их отвѣтъ был напечатан: он и появился в «Русских Вѣдомостях». Таким образом то, что партія считала подвохом и чего она боялась — не удалось. Но и Витте навѣрное вздохнул свободно: таких вещей не значилось ни в докладѣ, ни в манифестѣ. Заявленія бюро развязывали ему руки: они скорѣе переходили в категорію «смуты». Шипова и Гучкова он вызвал вновь, а с земской делегацией успѣшил распрощаться: в лучшем случаѣ это были наивныя доктринеры, а доктринерство, помимо даже ошибки расчета, претило самой натурѣ Витте. Шипов, однако, в своем окончательном письменном отказѣ, повторившем прежніе аргументы, тоже должен был быть отнесен теперь к категоріи доктринеров. Не соблазненный даже успѣшным утвержденіем царя в должности контролера, он добился личнаго пріема у Николая и, помимо Витте, об'яснил ему причины своего отказа. Царь признал, что он «прав», но вмѣстѣ с тѣм падала и вся махинація Витте. Запас допустимых министров был исчерпан — и членов «объединеннаго» кабинета пришлось искать поближе.

Слѣдующая мысль Витте была об использованіи прессы, как он это сдѣлал по поводу японской своей миссіи. Но и тут он на-

толкнулся на неожиданность. Только послѣ аудіенціи, данной представителям петербургских газет, узнал он, что существуют «союзы», что пресса об'единилась и уже практикует тактику безцензурнаго «явочнаго» порядка. При молчаніи всѣх остальных явившихся, говорил почти один хозяин «Биржевки» Проппер и «в развязном тонѣ», сразу возмущившем премьера, вмѣсто того, чтобы его выслушать, сдѣлал «нахальныя не то требованія, не то заявленія». «Мы вообще правительству не вѣрим», — такова была интродукція. А затѣм слѣдовали «требованія»: вывести войска из столицы и замѣнить их милиціей, отставить Трепова («миѣ пришлось, чтобы не проявить слабости, на двѣ недѣли его оставить», — вспоминает Витте), дать всеобщую амністію, полную свободу прессы и т. д. Витте рѣшил, что пресса сошла с ума и «деморализована» и «опереться на нее невозможно». Вся пресса была отнынѣ записана в лагерь противников. Оставался еще ресурс: либеральные профессора, с которыми Витте вообще дружил. Тут вышла случайная встрѣча с проф. Петражицким и редактором «Права». I. Гессеном, явившимся послѣ полуночи на 24-ое октября добиваться, чтобы у Технологическаго Института не повторилось кровопролитіе 9 января. Выйдя к ним в ночной рубашкѣ, Витте начал с строгаго выговора за поздній визит, послѣ чего сказал, что уже добился уступки у Трепова (он говорил с полк. Мином), что он взял отвѣтственность на себя, перелагает ее на пришедших и чуть не упал в обморок, когда они ему сказали, что сами крайнія партіи уже отмѣнили демонстрацію. Из послѣдующих разговоров Гессен правильно заключил, что Витте «поглощен злобами дня» и «совершенно не отдает себѣ отчета, что теперь центром борьбы станет вопрос о компетенціи Государственной Думы». На наивный отвѣт Витте, что это дѣло самой Думы, посѣтители об'яснили, что вѣдь «в таком случаѣ Дума превратится в Учредительное Собраніе». Тут Витте встрепенулся, «сразу как бы опомнился» (это было уже п о с л ѣ пріема делегаціи бюро с'ѣздов) «и тут же стал просить составить для него проект основных законов». Этот быстрый переход от фразы к дѣлу освѣщал дѣйствительныя намѣренія Витте, согласныя с его «докладом». 24 октября он уже провидѣлъ февраль и апрѣль слѣдующаго года: не знал только, что будет отстранен от хозяйскаго распоряженія «основными законами». Петражицкій и Гессен были поставлены неожиданным предложеніем в «деликатное положеніе», ибо знали настроеніе общества, неиз-

вѣстное Витте, — и поспѣшили ретироваться. Было бы интересно, если бы они поймали его на словѣ в его политической импровизаціи.

В тѣ дни, когда развертывались всѣ эти событія, принимавшія характер «исторических», мы, конечно, не могли знать во всѣх подробностях той закулисной стороны их, которую я сжато старался изобразить на основаніи позднѣйших показаній главных дѣйствующих лиц. Но все же мы стояли достаточно близко к театру дѣйствій в обѣих столицах и были слишком многими нитями связаны со средой, в которой шла борьба, чтобы ошибаться в смыслѣ того, что происходило. Психологія главных *dramatis personae* была нам ясна из всѣх их предыдущих поступков, и только что случившееся не опровергало, а ярко подтверждало ту же прежнюю, знакомую нам психологію. Мы знали, что Витте не вѣрит царю, а царь не вѣрит Витте; этим об'яснялась неполнота уступок, двусмысленность обѣщаній, когда были нужны факты, — вынужденный, а потому и очевидно временный характер всей комбинаціи. Телеграмма Витте, адресованная бюро с'ѣздов, сама по себѣ доказывала его непониманіе, к кому он обращается, кто нас «рекомендовал» ему, и зачѣм мы были «нужны». Было только ясно, что когда нас спрашивают, мы не можем оказаться в нѣтях, не можем и отказаться от самих себя, выдать себя за других, а должны внести в контекст событій то самое, с чѣм вчера выступали на публичной аренѣ с'ѣздов, только что об'явивших себя политической партіей. Надо было познакомить Витте с нашими послѣдними словами, ничего не запрашивая, но и ничего не уступая: ни на то, ни на другое мы не были никѣм уполномочены. Я еще оставался в Москвѣ, когда все это само собою разумѣющееся и было рѣшено наличными членами бюро с'ѣздов. Я присутствовал в квартирѣ Ф. А. Головина, гдѣ слѣшно был намѣчен состав делегаціи, отправлявшейся в Петербург; понимал, почему состав этот не мог включить Петрункевича, обходил Муромцева, сдѣлал довлдчиком Кокоскина; почему делегація отправилась немедленно, не дожидаясь с'ѣзда пленума бюро, а слѣша привезти ему послѣднюю информацію о том, чего собственно хочет Витте и чего он от нас ждет. Все это было настолько естественно, что не возбудило никаких преній в нашем малом составѣ. Делегація не везла «ультиматума» и не считала себя уполномоченной на «торговлю»; дѣло шло о первом контактѣ: обѣ стороны должны были узнать, с кѣм имѣют дѣло.

В ближайшіе дни стало извѣстно, что Витте ищет сотрудников из общественных дѣятелей в свой объединенный кабинет и что он обращается для этого не к тѣм лицам, которыя представляют с'ѣзд, а к представителям покинушаго с'ѣзд меньшинства. Это освѣщало его намѣренія — и не могло быть случайно. Я к этому времени уже вернулся в Петербург и принялъ участіе лишь в одном эпизодѣ этих поисков министров для Витте: в обсужденіи кандидатуры кн. Е. Н. Трубецкого на пост министра народного просвѣщенія. Трубецкой, пріѣхав в Петербург, сам обратился к кружку «Права» для обсужденія своей кандидатуры: I. В. Гессен рассказал в своих «Воспоминаніях», что в этом обсужденіи участвовал и я. Могу прибавить, что мое участіе было довольно активно. Е. Н. Трубецкому, видимо, хотѣлось принять предложеніе; участники совѣщанія высказались против. Я особенно настаивал на отказѣ, не считая этой кандидатуры достаточно отвѣтственной, чтобы представлять наше политическое теченіе в кабинетѣ, характер котораго еще не опредѣлился. Сам Витте, поговорив с Трубецким, тоже пришел к отрицательному выводу: «мнѣ нужен министр, а прислали какого то Гамлета».

Нѣсколько времени спустя — вѣроятно, это были послѣдніе дни октября или начало ноября, — когда уже послѣдовали другіе отказы и выяснилось отношеніе «общественности» (в самом широком, отнюдь не «нашем» смыслѣ) к Виттевскому «конституционализму», я получил лично приглашеніе Витте побесѣдовать с ним — не о кандидатурѣ в министры, а о положеніи вообще — и высказать свое мнѣніе о возможном исходѣ. Не знаю, кто ему на меня указал. Состоялась бесѣда, о которой я подробно рассказал печатно уже в эмиграціи в 1921 г. и которая подверглась придирчивому разбору В. А. Маклакова, в связи с его общим взглядом на роковую роль так наз. «освободительнаго движенія» в цѣлом. Я не буду теперь возвращаться к своей полемикѣ с В. А. Маклаковым в «Современных Записках», но обойти этой бесѣды мнѣ никак не возможно. Я теперь нашел новый способ освѣжить в своей памяти содержаніе бесѣды: мой печатный рассказ о ней не через 15 лѣтъ, а всего полтора мѣсяца спустя послѣ того, как эта бесѣда происходила. Это — мой отчет о политическом положеніи в концѣ 1905 г., написанный по просьбѣ «Correspondance Russe» и перепечатанный в моем «Годѣ борьбы». Этот отчет для иностранца, конечно, менѣе интимен, нежели позднѣйшій рассказ для эмиграціи;

но он полнѣе и отчетливѣе передаст содержаніе бесѣды. Я воспользуюсь здѣсь обоими источниками: между ними нѣтъ никаких противорѣчій.

Я начал с того же, с чего начал Проппер, — но с доказательством в руках. — «Почему к вам не идут общественные дѣятели? Они не идут, потому что вам не вѣрят». — Я, разумеется, обошел и ч н ы й вопрос, почему не вѣрят ни царю, ни Витте. — Что нужно сдѣлать, чтобы повѣрили? Мой отвѣтъ был: если бы я говорил с вами, как член партіи, я должен был бы повторить то, что сказал вам Кокоскин от имени делегаціи бюро с'ѣздов. Но я понимаю, что указанный им путь слишком сложен и длителен. «При современном состояніи кризиса было бы черезчур рискованно вести Россію к нормальному положенію путем троекратных выборов: 1) в неправильно избранную Думу, которая составит правильный избирательный закон, 2) в учредительное собраніе, собранное на основаніи этого закона и, наконец 3) в нормальное законодательное собраніе, на основаніи хартіи, какую даст учредительное собраніе». Я признавал, что этот путь «чреват боковыми толчками и катастрофами»; что, раз уже правительство рѣшилось дать конституцію, оно «лучше всего поступило бы, если бы прямо и открыто сказало это и немедленно октроировало хартію, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкіе круги общества». Как на образец такой хартіи, я указывал гр. Витте на болгарскую конституцію или на какую-нибудь другую разновидность бельгійской, но со всеобщим избирательным правом. Впрочем, проект такой конституціи уже разработан земским с'ѣздом». — В своем разсказѣ 1921 г. я нѣсколько упростил и драматизировал эту часть разговора. «Позовите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русскій языкъ бельгійскую или, еще лучше, болгарскую конституцію, завтра поднесите ее царю для подписи, а послѣ-завтра опубликуйте». Вѣроятно эти «сегодня», «завтра» и «послѣ-завтра» фигурировали в разговорѣ; но, конечно, Витте понимал смысл этого риторическаго приѣма. И он возражал мнѣ — довольно извилистой и противорѣчивой аргументаціей. — Во-первых, «общество уже не удовлетворится конституціей, данной сверху». Оно, конечно, и не удовлетворилось апрѣльскими «основными законами» 1906 г. Но я был уступчивѣе. — «Ну да, отвѣчал я: потому не удовлетворится, что прежде всего не вѣрит в возможность получить от бюрократіи такую либеральную конституцію». Если получит, то пошумит и ус-

вокоится. — Во-вторых, — продолжал Витте, и это было еще неожиданнѣе — вообще «народ не хочет конституціи». Это уже было подозрительно, хотя и стояло в связи с тогдашними планами правительства ввести в Думу преобладаніе «народа» — в видѣ послушнаго крестьянства. Из воспоминаній Крыжановскаго мы знаем теперь, что такова была упорная мысль при составленіи всѣх законов о выборах в Гос. Думу. «Я не отвѣчал гр. Витте (пишу я в 1905 году), что этим аргументом он зачеркивает все, им сдѣланное, и заставляет подозрѣвать свои намѣренія. Я только возразил ему, что дѣло не мѣняется от того, что в своем докладѣ царю он назвал конституцію «правовым порядком» и что, если он разумѣл дѣйствительно к о н с т и т у ц і ю и если народ, в самом дѣлѣ, так привык к власти царя, то, очевидно, гораздо скорѣе народ примирится с конституціей, данной властью царя, чѣм с хартіей, какую издаст Дума, — да при том еще неправильно созванная Дума цензоваго состава». Это был неотразимый аргумент — тот же самый, который заставил царя предпочесть свой «манифест» «докладу» Витте. Но я, очевидно, не знал тогда, что Витте тут привел формальный отвод, а на дѣлѣ уже предлагал Гессену и Петражицкому составить спѣшно «основные законы»; очевидно, по его плану, уже тогда именно э т и м путем должно было пойти изданіе, наканунѣ созыва Думы, русской хартіи под этим двусмысленным названіем. Витте, конечно, не предвидѣл, что его руководящей роли при этом уже не понадобится.

Не могу вспомнить, здѣсь ли послѣдовала сцена, которую я рассказал в 1921 году. В порядкѣ разговора о необходимости пріобрѣсти довѣріе общественных дѣятелей спѣшными доказательствами серьезности намѣреній «объединеннаго» без их участія кабинета, я высказал мысль, уже высказывавшуюся при спѣшном сужденіи тактики на нашем учредительном с'ѣздѣ: о созданіи переходнаго «дѣловаго министерства». Собственно, Витте уже вступил на этот путь, пригласив в товарищи министра земледѣлія Н. Н. Кутлера для составленія «кадетскаго» аграрнаго законопроекта. Но когда я высказал Витте эту, уже не новую и нехитрую мысль, он неожиданно преобразился: «вдруг вскочил, протянул мнѣ свою длинную руку и, потрясая мою, которую я подал ему с нѣкоторым недоумѣніем, воскликнул: «Вот, наконец, я слышу первое здоровое слово. Я так и рѣшил сдѣлать».

Собственно говоря, этим эпизодом и исчерпывалось содержа-

ніе свиданія. Но оставалась одна тема, для меня самая важная, а для Витте самая скользкая. Мы ходили кругом да около, но на прощаніе я рѣшился поставить вопрос в упор. От моего старо-го пріятели, Поля Бойэ, потом бывшаго директором парижской «Школы восточныхъ языковъ», тогда только что посѣтившаго Витте, я зналъ причину уклончивости Витте в этомъ главномъ вопросѣ: тутъ проявилось всегдашнее, нперимиримое сопротивление Николая II. Об этомъ, годомъ раньше, передъ ноябрьскимъ с'ѣздомъ, Витте опредѣленно заявлялъ Петрункевичу. Но в дни передъ изданіемъ манифеста положеніе могло переимѣниться. И я хотѣлъ провѣрить сообщеніе Бойэ. Я спросилъ: если ваши полномочія достаточны, отчего вы не произнесете это рѣшающее слово: конституція? Витте, уже успокоившійся, мнѣ лаконически и сухо отвѣтилъ: не могу, потому что царь этого не хочет. Я хорошо запомнилъ и свою заключительную фразу: «тогда бесполезно намъ разговаривать; я не могу подать вамъ никакого дѣльнаго совѣта».

В. А. Маклаков, свидѣтель моей рѣчи на кадетскомъ банкетѣ в Литературномъ кружкѣ 17 октября, вспоминаетъ, что я закончилъ свой «разносъ» манифеста 17 октября словами: «ничто не измѣнилось; война продолжается». Я не помню словъ, но не отрицаю ихъ смысла: я выражалъ даже не свое, а общее впечатлѣніе. Вопрези георетическимъ разсужденіямъ В. А. Маклакова, лозунгъ «конституція» имѣлъ для насъ совершенно опредѣленный практической смыслъ — какъ и отказъ «произнести» это слово. Ни 17 октября, ни потомъ оно пропзнесено не было, — и борьба за «конституцію» конечно должна была продолжаться не нами одними: в этомъ былъ смыслъ всего предыдущаго и послѣдующаго.

Непосредственно послѣ неудачи переговоровъ с общественными дѣятелями борьба дѣйствительно продолжалась — и на той же самой аренѣ земско - городскихъ с'ѣздовъ. Правда, на очередномъ с'ѣздѣ, собравшемся в годовщину ноябрьскаго — 7 ноября 1905 г., — вскорѣ послѣ «конституціоннаго» манифеста и в связи с нимъ, — картина борьбы получилась нѣсколько иная, чѣмъ прежде. Недаромъ этотъ с'ѣздъ оказался послѣднимъ: мѣсто с'ѣздовъ уже начали занимать политическія партіи. Наши к.-д. еще не вполне это понимали, но еще менѣе понималъ это и Витте. Продолжая нуждаться в общественной поддержкѣ своей политики и зная от Шипова, что создается конкурирующая с к.-д. партія октябристовъ, онъ рѣшилъ апеллировать отъ «бюро» къ самому с'ѣзду. Онъ хотѣлъ, чтобы на этотъ

раз с'ѣзд собрался в Петербургѣ, и ожидал, что земцы пошлют на с'ѣзд болѣе консервативный состав представительства. Предполагалось вывести на с'ѣздъ вотум довѣрія Витте и тѣм поставити с'ѣзд в опредѣленное отношеніе къ правительству. Газета «Русь» даже высказала желаніе, чтобы сам с'ѣзд превратился во что - то вроде временнаго правительства при Витте. Это курьезно совпадало с требованіем с.-д.-ков, чтобы «либералы» объявили себя временным правительством коалиціоннаго состава, — но и показывало, до чего доходила путаница понятій в эти переходные мѣсяцы перед созывом Думы.

Ничего из всѣх этих хлопот и подсказываній не вышло. С'ѣзд 7 - 13 ноября собрался не в Петербургѣ, а в Москвѣ, подчеркнувъ тѣм свою прежнюю политическую независимость. Немногочисленные новые участники, в том числѣ из Петербурга, не могли поглотить прежній состав с'ѣздов, и собраніе сохранило партійный характер, хотя в правом крылѣ паническія настроенія и продолжали усиливаться. Делегациі своего «бюро» къ Витте с'ѣзд не дезавуировал, но вернул ей, как и слѣдовало, исключительно информационное значеніе. Однако-же, с'ѣзд принялъ нѣсколько рѣшеній, приспособленных къ сложившемуся положенію, с очевидной цѣлью облегчить возможность стовора с властью на случай, если бы переговоры продолжались. Сюда относилось, прежде всего, рѣшеніе связать «правильное и послѣдовательное проведеніе конституціонных начал манифеста съ 1) немедленным изданіем акта о принятіи къ созыву народнаго представительства всеобщей, прямой, равной и закрытой подачи голосовъ и 2) съ формальной передачей первому собранію народныхъ представителей учредительныхъ функций для выработки съ утвержденія государя конституціи Россійской Имперіи». Этим снималось съ очереди требованіе объ отдѣльном созывѣ учредительнаго собранія и опровергались толки о намѣреніи партіи объявить Россію демократической республикой; такимъ образом, с'ѣзд и партія отдѣляли свои стремленія от лѣвыхъ лозунговъ. С другой стороны, отмѣнялось и рѣшеніе ограничить компетенцію «перваго собранія» исключительно учредительными функциями: ему поручалось также «установленіе основныхъ началъ земельной реформы и принятіе необходимыхъ мѣръ в области рабочаго законодательства». Наконец, въ «цѣляхъ успокоенія страны» немедленно, не дожидаясь народнаго представительства, с'ѣзд

рекомендовал правительству Витте заняться «осуществленіем в законодательных нормах (этим признавалось, что законодательная власть вовсе не упразднена в ожиданіи Думы) всѣх основных начал политической свободы», возвѣщенных манифестом, отмѣной всѣх исключительных положеній, амнистіей, отмѣной смертной казни, разслѣдованіем погромов, запятнавших дни народной радости по поводу манифеста 17 октября, смѣной старой администраціи, не проникнутой новыми началами, введеніем отвѣтственности должностных лиц в общем порядкѣ и привлеченіем, в частности, чинов администраціи и полиціи, виновных в погромах. Особая делегація с'ѣзда должна была объяснить Витте мотивы всѣх этих предложеній. В состав делегаціи выбраны были как раз тѣ лица, которых 18 октября Шипов намѣтил в ея состав — в на министерскіе посты: Муромцев и Петрункевич, а Кокшкин лишь в качествѣ третьяго. В сущности, послѣ всѣх внесенных измѣненій, ближайшим предметом разногласія оставалось лишь примѣненіе всеобщаго избирательнаго права к выборам в Думу. А оно раздѣлялось даже правыми конкурентами к. - д.

Правое меньшинство внесло прямое предложеніе, защищавшееся М. А. Стаховичем, участником бесѣд о министерствѣ с Витте, о выраженіи с'ѣздом довѣрія Витте. Это предложеніе не было отвергнуто, но приняло, послѣ всѣх преній и рѣшеній с'ѣзда, скорѣе форму вотума недоовѣрія. «Правительство может рассчитывать на поддержку земских дѣятелей» — заявлял с'ѣзд, — «только постольку, поскольку оно будет проводить конституціонныя начала манифеста правильно и послѣдовательно». Всякое же отступленіе от этих начал встрѣтит в земских и городских сферах рѣшительное противодѣйствіе». Не помогла ни частная телеграмма Витте к Петрункевичу с призывом к «патріотизму» общественных дѣятелей, ни поддержка кн. Павла Д. Долгорукова, находившаго, что «надо подать руку помощи Витте».

Я принимал на этот раз активное участіе в подготовкѣ рѣшеній с'ѣзда. Постановленія об учредительных функціях Думы, об утвержденіи конституціи государем, о планѣ работ в Госуд. Думѣ входили прямо в мою задачу — выравнить тактику партій в соотвѣтствіи с предстоявшею ей парламентскою ролью. Я мог смотрѣть, поэтому, как на своего рода успѣх, что окончательный выбор нашего собственнаго пути был замѣчен — и осужден — со стороны социал - демократов. Делегація их комитета передала с'ѣзду по-

становленіе, в котором «единственным выходом из положенія» признавалось «низверженіе правительства посредством вооруженнаго возстанія и созыва учредительнаго собранія для установленія демократической республики». Попытка же с'ѣзда вступить в переговоры с правительством, признавалась комитетом за «постыдный шаг и сдѣлку буржуазіи с правительством за счет прав народа». Наше расхожденіе с лѣвыми здѣсь находило впервые точную формулировку в духѣ третьяго большевистскаго с'ѣзда. Но с другой стороны, у меня не могло быть сомнѣнія, что для сговора с Витте наши рѣшенія были недостаточнѣе умѣрены и, во всяком случаѣ, запоздали. Я поэтому рѣшительно возставал против посланки депутации к Витте, опасаясь, что прямым отказом Витте она будет поставлена в унижительное положеніе. Вышло даже хуже: Витте просто не принял депутатов. Через совѣтъ министров он отвѣтил им, что правительство отказывается «сойти с пути», указанного манифестом, что до изданія законов теперь возможно лишь изданіе не «законов», а только «временных правил»; а на вопрос об «условіях поддержки той или другой политической партіи правительственной политики» получен был строгій окрик: правительство «в данном случаѣ озабочено лишь тѣм», чтобы само общество «давало себѣ отчет в тѣх послѣдствіях, к которым приводит его нежеланіе содѣйствовать власти в осуществленіи начал манифеста и о х р а н ѣ п о р я д к а». Это был новый тон власти.

Это не значило еще, что Витте отказывался от всякой общественной поддержки. Но он попробовал искать ее в другом мѣстѣ. Он затѣял нѣчто вродѣ контр - с'ѣзда, который бы выразил «истинное» настроеніе земств и городов и дал ему довѣріе. Органы самоуправления получили от премьера циркулярное приглашеніе — выбрать по четыре представителя и держать их наготовѣ, на случай вызова. Газета «Русь» начинала агитацию за созыв такого с'ѣзда при Витте. И только отказ нѣскольких земств от выбора, вмѣстѣ с приближеніем срока выборов в Думу и с созданіем первой правительственной партіи 17 октября, побудили Витте отказаться от этой затѣи. В ожиданіи, «охрана порядка» и прекращеніе «смуты» выдвинулись на первый план перед «осуществленіем начал манифеста». Начиналась серьезная борьба с революціей.

П. Милюков